

I Введение

Тема 1: Чем занимается методология? Как соотносятся эпистемология, методология и методы социологического исследования? “Диспут о Методе”. “Реконструированная логика” и “реально используемая логика”

Чаще всего под методологией конкретной науки понимают совокупность используемых ею методов получения и подтверждения нового знания. При такой трактовке методология - это корпус специальных, технических приемов, которыми пользуются ученые. Мы, однако, будем придерживаться более широкого понимания социологической методологии как *исследования используемых социологами методов, включающего в себя их описание, объяснение, обоснование и оценку*. Таким образом, мы будем обсуждать в данном курсе и сугубо “технологическую” сторону процесса социологического исследования, и критерии оценки конкретных методов и техник, и обоснованность эмпирических доказательств, получаемых с помощью этих методов и техник.

Самыми общими, философскими основаниями методологии занимается *теория познания*, или *эпистемология*. Эпистемология исследует принципиальные проблемы научного знания - проблемы истинности, объективности, роли эмпирических доказательств в подтверждении теории и т.п. В науках о поведении человека и

обществе эпистемология исторически сыграла очень значительную роль. Если естественнонаучные дисциплины уже в XVIII веке приобрели знакомый нам облик, то становление социологии, психологии и других наук о человеческом поведении задержалось по меньшей мере до второй половины XIX века. Естественные науки начинали свое победное шествие с блистательных экспериментов-демонстраций (почва для которых, кстати, уже была подготовлена алхимией), а также с принципиально новых теорий, подобных классической механике Ньютона. Социологии и наукам о поведении с самого начала пришлось выдерживать определенное давление со стороны естественнонаучных дисциплин, неявно диктовавших более “молодым” наукам свои нормы и критерии оценки научных результатов. Точно такое же нормативное давление оказывали на социологию давно и прочно обосновавшиеся в университетских расписаниях гуманитарные дисциплины, в особенности, история, лингвистика и классическая филология. Эти гуманитарные дисциплины сравнительно поздно открыли для себя существование “теории” как особо организованного типа знания, специально противопоставляемого независимому эмпирическому доказательству. В области гуманитарного знания господствовали *историческо-генетический* и так наз. *сравнительный* подходы, мало пригодные для создания абстрактных теорий, но зато позволявшие бережно реконструировать изучаемые явления во всей полноте исторических деталей. Обобщения, достигавшиеся с помощью сравнительного метода - например, воссоздание взаимосвязей между рядом индоевропейских языков и гипотетическим *индогерманским праязыком*, реконструированным немецким филологом Августом Шлейхером, - сами по себе воспринимались как результат, не требовавший каких-то независимых эмпирических проверок¹.

---

¹ Тем более, что возможность эмпирической проверки таких уникальных, уже ушедших в прошлое и не оставивших материальных свидетельств событий трудно даже вообразить.

В ситуации описанного “двойного нормативного давления”- со стороны естественных наук и со стороны гуманитарных дисциплин - преувеличенное внимание к научному методу оказалось естественной защитной реакцией социальных и поведенческих наук, боровшихся за признание своего статуса. Поэтому уже к концу прошлого века в этих дисциплинах разгорелся “диспут о Методе”, не утихающий и по сию пору и касающийся, по сути, двух взаимосвязанных вопросов:

- должны ли социология и родственные дисциплины стремиться к созданию *теорий*, или целью является создание убедительных и основанных на сохранившихся источниках *историй*;

- какими должны быть используемые этими науками *методы*?

Различные школы и доктрины по-разному отвечали на эти вопросы, и постепенно вокруг “диспута о Методе” сформировалось относительно самостоятельное научное направление, которое стали называть *философской методологией*, или *философией социальных наук*.

До недавнего времени философской методологии принято было противопоставлять методологию как специальную дисциплину, изучающую конкретные техники социологического исследования. Предполагалось, что философская методология занимается самыми общими проблемами описания, объяснения и обоснования тех методов, которые используются при получении социологического знания, но не методами как таковыми. Постепенно, однако, стал очевиден весьма условный характер этого противопоставления. С одной стороны, практическую ценность для социологии представляют не абстрактные логические принципы, следующие из теории доказательства или, скажем, концепции индуктивного вывода, а реально используемые социологами модели объяснения и прикладная логика социологического исследования. С другой стороны, даже очень специальные вопросы, касающиеся, например, техник

измерения или сбора данных, не могут быть решены без обращения к более общим представлениям о природе доступных социологу эмпирических показателей и о нормативных критериях, используемых в процессе обоснования истинности и достоверности нового знания. Иными словами, невозможно оценить, скажем, методическую корректность экспериментов с крысами в лабиринте, не зная, какие теоретические модели используются для объяснения социального научения в бихевиоризме. Точно так же нельзя понять, что, собственно, следует считать эмпирическим доказательством, рассматривая детальные стенограммы обычных телефонных разговоров, тщательно зафиксированных этнометодологом, если не знать, как этнометодология трактует межличностное взаимодействие и каковы, с точки зрения этого направления, задачи социологического исследования. Поэтому в центре методологических дискуссий сейчас все чаще оказываются не отвлеченные эпистемологические проблемы, но и не сугубо технические вопросы организации социологического исследования, а “методы среднего уровня”. Соответственно, задачей методологии социальных наук становится анализ реальной логики, определяющей практику социологического исследования в рамках определенной теоретической перспективы, а не навязывание социологам единого нормативного стандарта “реконструированной логики”, позаимствованной из более благополучных наук (А.Каплан).

Тема 2: Исследовательские программы, модели объяснения и логика социологического исследования

В период становления социологии ни “отцы-основатели” новой дисциплины, ни социальные реформаторы, ожидавшие от нее научно-обоснованных рецептов решения общественных проблем, не сомневались в том, что наука об обществе будет порождать тот же тип знания, который утвердился в качестве образца в естественных науках Нового времени: Конт видел в социологии завершение системы “позитивных наук”, полагая, что формулируемые ею общие законы будут обладать точностью закона всемирного тяготения; Спенсер полагал, что залогом единства всех наук, включая социальные, является не знающий исключений принцип эволюции; Дюркгейм, относясь скептически к контовской иерархии наук, был убежден в том, что автономная реальность общества является органической частью природного порядка и требует эмпирического научного исследования (кроме того, на социологический реализм Дюркгейма явно повлиял принцип холизма, утвердившийся в биологических науках). В основе этих взглядов лежала фундаментальная предпосылка *единства метода* всех наук. Принятие этой предпосылки в социальной философии вело к *натуралистической* концепции социальных наук, согласно которой методы, природа и цели научного исследования общества принципиально не отличаются от тех, которые характерны для естественных наук. (Довольно часто основанные на этой предпосылке методологические доктрины называют *позитивистскими* или *эмпирицистскими*. Однако это обозначение нельзя признать удачным: в логике и истории науки существовало множество вариаций “позитивизма”, и не всякий эмпиризм принимает тезис единства метода.) Натурализму в философии социальных наук противостояла *герменевтическая* (или *интерпретативная*) доктрина, ориентированная, как уже говорилось, на образцы гуманитарного знания (в частности, на достижения *исторической школы* в области экономики и права) и усвоившая философские идеи неокантианства Баденской школы - противопоставление нормативного подхода к сфере

ценностей (“должного”) и опытного подхода к изучению природного мира (“сущего”), а также следующее отсюда различие *идиографического* и *номотетического* подходов, изучающих, соответственно, единичное и исключительное либо общее и закономерно повторяемое (В.Виндельбанд, Г.Риккерт). “Диспут о методе” к концу XIX века свелся к противопоставлению наук о природе и наук о культуре (*Natur-* и *Geisteswissenschaften*). Этот диспут породил ряд частных споров: о методе социальных наук (**объяснение** или **понимание**), о целях научного исследования человека и общества (**социальный контроль** или **рост самосознания**), о предмете (**природа** либо **культура**). При этом ни одна из сторон - ни натуралисты-”позитивисты”, ни их критики - не ставила под сомнение существование единого “Метода естественных наук”.

В 1960-1970-е гг. в философии и истории науки возникли новые, *постэмпиристские* концепции, радикально изменившие устоявшиеся взгляды на то, чем в действительности занимаются ученые. В философии эти изменения были связаны с возникновением постпозитивистских течений, пришедших на смену *логическому позитивизму Венского кружка*², члены которого предприняли самую последовательную попытку построить образ науки, основанный на двух центральных идеях:

- эмпиризма и позитивизма (источником научного знания является непосредственный опыт, определяющий пределы того, что в принципе может быть законным предметом научного исследования);
- натурализма (целью научных изысканий является создание единой науки, что и достигается применением логического анализа к эмпирическому материалу).

---

² Возникновение Венского кружка стало результатом работы философского семинара, руководимого профессором Венского университета Морицем Шликом (1882-1936). Среди самых известных участников были Рудольф Карнап (1891-1970), Отто Нойрат (1882-1936), Герберт Фейгль (р. 1902).

Кризис позитивистской эпистемологии поставил под сомнение не только идею единой науки, но и существование универсального канона научной рациональности. В результате одни *постпозитивистские доктрины* решили отказаться от идеи единой рациональности (П.Фейерабенд), а другие - изменить трактовку этой идеи (примером здесь может служить *реалистская концепция науки*, о которой мы будем говорить позднее). Описанные перемены совпали во времени с еще более радикальными сдвигами в такой, на первый взгляд, “скучной” дисциплине, как история науки. На смену идеализированному образу естественных наук пришли детальные исторические реконструкции, подчеркивавшие (а иногда - преувеличивавшие) роль социального и культурного контекста в изменении господствующих теоретических представлений. При этом уже устоявшаяся граница между естественнонаучным и общественнонаучным знанием оказалась вновь размыта, на этот раз - “по вине” естественных наук. Ключевую роль здесь сыграл выход книги Т.Куна “Структура научных революций” (1962). Кун описывает историю естественных наук как смену затяжных периодов “нормальной науки”, когда решение научных проблем происходит в рамках господствующей на данный момент “*парадигмы*” (т.е. модели научной деятельности, включающей в себя теоретические стандарты, критерии оценки исследовательской практики, методологические нормы, образцовые решения исследовательских задач и общее “мировоззрение”), а также кратких “революционных” периодов, когда прежняя парадигма исчерпывает свои возможности в решении возникающих в ее рамках научных проблем и на смену ей приходит новая парадигма. При этом прежние и новые теории по-разному определяют область теоретически-релевантных (подтверждающих или опровергающих теорию) фактов. И поскольку **именно теории определяют, что считать фактом**, утрачивает смысл ключевое для позитивистского образа науки понятие теоретически нейтрального языка наблюдения.

Теоретические перспективы, каждая со своим “набором” релевантного эмпирического знания, часто оказываются “несоизмеримыми”. Реальная практика естественных наук, таким образом, демонстрирует не торжество единого Метода и дедуктивно-номологической модели объяснения, а конкурентную борьбу парадигм и научных школ. Самые радикальные интерпретации взглядов Куна предполагают, что решающую роль в утверждении господства той или иной парадигмы играют именно “экстранаучные” обстоятельства: борьба различных групп внутри научного сообщества, социальный контекст науки и т.п. В действительности, Кун подчеркивает, что наступление периода консенсуса, делающего возможным “нормальную науку”, становится возможным лишь тогда, когда новая парадигма позволяет получить “образцовое” решение конкретной проблемы, а не просто в результате гибели слабейших и воцарения тех теоретических взглядов, которые исповедует победившая группировка. Очевидно, однако, что даже самые умеренные версии постэмпиризма в философии и истории науки требуют рассмотрения реальной (а не идеализированной) логики научного исследования, включенной в более широкий исторический и социальный контекст.

Теоретические перспективы, помещенные в более широкие социальные и исторические рамки, внутри которых они применяются и изменяются³, называются *исследовательскими программами* (И.Лакатос). Исследовательские программы оцениваются на основании их способности плодотворно решать научные задачи. Соответственно, в развитии конкретной программы выделяют “прогрессивную стадию” успешного накопления знаний и “стадию вырождения”, когда основные усилия приверженцев программы направлены не на решение новых задач, а на защиту ключевых предположений при помощи изобретаемых *ad hoc* поправок и вспомогательных гипотез.

Под влиянием постэмпиризма в философии социальных наук возникли новые подходы, в которых доминирующая роль в определении *норм научного исследования* приписывается не “независимому” эмпирическому доказательству и логико-дедуктивному методу, а *моделям теоретического объяснения*, принимаемым той или иной исследовательской программой. Доминирующая модель теоретического объяснения предопределяет нормативные логические стандарты, с помощью которых ученые оценивают, что - в рамках данной исследовательской программы - считается плохим либо хорошим объяснением, описанием, доказательством. Даже исходя из постэмпиристских представлений об историческом и локальном характере научного знания, невозможно отрицать существование таких *нормативных стандартов оценки*, позволяющих соотносить реальную исследовательскую практику с программами и моделями объяснения. Теоретические перспективы, таким образом, предопределяют *прикладную логику научного исследования*, т.е. собственно его *методологию* (и философскую, и “техническую”). С другой стороны, реальная исследовательская практика и воплощенная в этой практике прикладная логика оказывают обратное влияние на модели теоретического обоснования и, в конечном счете, на “выживание” исследовательских программ, так как успешность последних может оцениваться лишь относительно используемых внутри этих программ стандартов оценивания.

Модели объяснения, таким образом, *представляют собой стандарты для оценки адекватности объяснений в рамках конкретной теоретической перспективы или, шире, исследовательской программы*. Различные типы объяснения предъявляют различные требования к эмпирическим данным, определяя *реальную логику исследования* (т.е. методологические нормы, стандарты оценки, способы концептуализации и используемые методы). Рассматривая различные модели

---

³ Эту операцию обратной “проекции” идей в исторический, политический и т.п. контекст иногда

объяснения - натуралистскую, бихевиористскую, интерпретативную, этнометодологическую, функционалистскую, структуралистскую и реалистскую, - мы уделим особое внимание анализу примеров из исследовательской практики.

В философии и методологии социальных наук были предприняты также неоднократные попытки выделить некие общие “парадигмы”, каждая из которых объединяет несколько моделей объяснения (Р.Фридрихс, Дж.Ритцер, П.Рот и др.). Наиболее разработанная из этих классификаций (Ритцер) включает четыре признака, позволяющих анализировать ведущие социологические “парадигмы”:

- образцовое исследование;
- носящее мировоззренческий характер представление о предмете социологии (“онтология”);
- методы исследования;
- модель теоретического объяснения, или теоретическая перспектива.

Ритцер выделяет три социологические “парадигмы”: 1) **парадигму социальных фактов**; 2) **парадигму социальных дефиниций** (называемую также **конструкционистской, или интерпретативной**); 3) **бихевиористскую парадигму**.

Образцом исследования для *фактистской парадигмы* является “Самоубийство” Э.Дюркгейма (1897); основным предметом - “социальные факты” в дюркгеймовском смысле, т.е. структуры и институты, а также их влияние на действия и предпочтения личности; к ведущим методам исследования здесь относятся сравнительно-исторический и опросный. К фактистской парадигме Ритцер относит такие теоретические перспективы, как структурный функционализм, системное теоретизирование, теории конфликта.

называют *реконтекстуализацией* (термин заимствован из литературоведения).

Интегрирующим образцом для “дефиниционистов” является, по мнению Ритцера, веберовская концепция социального действия; предметом исследования - определение ситуации “с точки зрения действующего” (У.Томас) и влияние таких определений на взаимодействие между людьми; предпочитаемыми методами - этнографический (включенное наблюдение) и биографический; наконец, модели теоретического объяснения, относящиеся к этой парадигме, включают в себя символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию, экзистенциализм.

Образцом *бихевиористского* стиля является творчество Б.Ф.Скиннера; предметом исследования для социальных бихевиористов служит, с точки зрения Ритцера (как мы увидим позднее, далеко не бесспорной), поведение индивидов; доминирующим методом здесь является эксперимент, а основными теоретическими моделями - теории “выученного поведения” и теории обмена.

Тема 3: В чем разница между “объяснением”, “интерпретацией” и “описанием”? Какова специфика “научных объяснений”?

Прежде всего заметим, что даже в обыденном языке мы используем понятия “объяснить”, “объяснение” двумя совершенно различными способами.

Во-первых, мы **объясняем смысл** событий и поступков другим людям, делая это приблизительно так, как мать объясняет ребенку смысл слова, выражения или какого-то иного символа. Речь идет не о каком-то метафизическом, запредельном “Смысле”. Здесь скорее уместна аналогия с языковыми значениями в лингвистике: как для объяснения неизвестного или иностранного слова толковый словарь дает парафразу,

перевод или слово со сходным значением, так и события или поступки могут растолковываться другому человеку с помощью уточнений, аналогий, указаний на предысторию и смысловой контекст происходящего. Иными словами, мы “переводим” наблюдаемое поведение на понятный нашему слушателю язык, исходя из его предполагаемого опыта, осведомленности, нормативных представлений и т.п. Такое объяснение - это прежде всего **акт коммуникации**, направленный на конкретного слушателя (или конкретную аудиторию) и имеющий совершенно прагматическую цель - добиться **понимания**. Понимание обычно подразумевает, что объясняющий и слушающий пришли к согласованной трактовке смысла наблюдаемой “картинки” - например, “бьет - значит, любит”, “подсматривает в замочную скважину - значит, проводит исследование ролевого взаимодействия в супружеских диадах”. Прагматическую природу этого типа объяснения подчеркивает его открытый и договорной характер. Такое объяснение “сработало” и может быть признано успешным, если его принял тот, кому оно адресовано (вне жесткой зависимости от каких-то объективных критериев согласованности и логичности)⁴. Известный американский специалист по логике и философии социальных наук А.Каплан предложил называть описанный тип объяснения *семантическим*⁵.

От семантического принято отличать объяснение *научное*. Научное объяснение ориентировано не на конкретного слушателя, а на некие **объективные стандарты логического вывода**. Логическим выводом, напомним, является процедура, позволяющая получить из **истинных** (очень важное условие!) суждений-посылок заключение, которое гарантированно, без всяких дополнительных изысканий, является

---

⁴ Тот, кто дает объяснение, принимает его по определению. Вопрос об искренности, правдивости обоих участников коммуникации (т.е. дающего объяснение и принимающего его) нами пока не рассматривается. Заметим лишь, что искренность дающего объяснение существенно влияет на шансы принятия последнего.

также **истинным** суждением. В основе научного объяснения лежит **общий закон**, позволяющий объяснить или предсказать результаты наблюдений. Критерий успешности научного объяснения - это возможность подведения наблюдаемых событий или поведения под некую общую закономерность. Если общий закон, например, имеет вид: “Все живые организмы, будучи подвергнуты пищевой депривации, начинают активные поиски пищи”, то его подтверждением будет любое наблюдение, устанавливающее взаимосвязь между лишением пищи в течение существенного промежутка времени и попытками добыть еду (конечно, конкретные стратегии пищевого поиска у представителей различных видов будут отличаться). При этом достижению согласия между дающим объяснение и слушателем в случае научного объяснения придается сравнительно меньшее значение, чем в случае семантического. Иными словами, при обсуждении закономерностей, описывающих пищевое поведение млекопитающих, никто не придаст решающего значения “семантическим” возражениям. Примерами последних могут служить, например, следующие высказывания: “Шимпанзе Султан пытался достать бананы, чтобы не разочаровать экспериментатора” или “Причиной того, что испытуемый Петров многократно открывал и закрывал дверцу холодильника были не муки голода, а желание продемонстрировать жене недовольство тем, как она ведет домашнее хозяйство”. Приведенные в качестве примера объяснения, однако, перестанут игнорироваться в качестве научных, как только удастся сформулировать для них некий **новый общий закон** (например, для поведения всех шимпанзе - закон фиксации несвязанного либидо на экспериментаторе).

---

⁵ A.Kaplan. The Conduct of Inquiry. Methodology for Behavioral Sciences. San Francisco: Chandler, 1964. Ch.9.

В самом общем виде, разница между семантическим и научным объяснением - это разница между **понятным** и **истинным** высказыванием. Понятное - это всегда понятное кому-то, но вовсе не обязательно этим кем-то разделяемое, принимаемое на веру и т.п.⁶ В истинности высказываний, обозначенных нами как “истинные”, должен быть убежден хотя бы тот, кто их формулирует, а для того, чтобы передать свою убежденность другим людям, такой убежденный субъект должен воспользоваться специальными средствами обоснования истинности высказывания. Специальные средства обоснования истинности высказывания - например, эксперимент, независимое свидетельское показание, включение в контекст прежних высказываний и т.п., - используются нами не только в науке, но и в повседневной жизни, однако до недавних пор принято было считать, что специальная озабоченность формулировкой истинных высказываний - прерогатива науки, ее *институциональная функция*. В последние десятилетия в философии науки, однако, возобладали течения, критикующие претензии науки на “привилегированный доступ” к истине. Критики подчеркивают, во-первых, то обстоятельство, что присущие науке методы установления истинности используются и другими традициями и “сообществами знания” - от народной медицины до оккультизма. Во-вторых, говорят они, наука - это социальный институт, а ученые - живые люди, склонные руководствоваться профессионально-корпоративными, групповыми, эгоистическими и прочими интересами, и, следовательно, процесс установления истины в науке основан не столько на беспристрастном исследовании фактов, сколько на переговорах, согласованном конструировании “теоретических фикций” и балансировании интересов, щедро сдобренном объективистской риторикой. Сама наука рассматривается такими критиками как использование языка, дискурса, “рассуждений” для обоснования профессиональной роли ученого-эксперта и,

---

⁶ A.Kaplan. The Conduct of Inquiry. P.328.

следовательно, для увеличения профессиональной власти. Все эти соображения довольно справедливы, если принять исходное положение о том, что наука действительно претендует на “особые отношения” с абсолютной истиной. В действительности, однако, наука исторически отделилась от других типов знания (в частности, от астрологии и алхимии), именно признав, что абсолютных истин не существует и любое истинное (!) суждение может быть поставлено под сомнение в любой момент. В этом и заключается специфика научных объяснений, гарантирующая отличие научного знания от прочих: любое научное объяснение носит неокончательный, принципиально *фальсифицируемый*⁷, верный лишь в определенных границах, “в определенной степени” характер.

Существуют, однако, такие объяснения, которые сочетают в себе черты и научных, и семантических. Тот же А.Каплан, следуя уже устоявшейся в гуманитарных науках традиции, предложил называть их *интерпретациями*. По ряду причин, о которых мы еще будем говорить, интерпретации играют особую роль в социологии и родственных дисциплинах.

Часто научное и семантическое объяснение дополняют друг друга и в совокупности составляют интерпретацию. Можно также указать на некоторое количество “идеальных случаев”, когда они совпадают. С рассмотрения такого идеального случая мы и начнем анализ примеров. Существует обширный класс теоретических моделей, которые называют моделями “рационального деятеля”. Они используются и в теории игр (например, при моделировании поведения шахматных игроков), и в экономике, где предполагается, что поступками экономических агентов руководят исключительно

---

⁷ Т.е. позволяющий сформулировать осмысленное отрицание. Абсолютно бессмысленными, в свою очередь, могут быть лишь отрицания трюизмов, т.е. банально истинных высказываний. (Например, “Мужик - он всегда мужик” - это трюизм, не подлежащий научному опровержению).

рациональные соображения максимизации выгоды и минимизации затрат, и в некоторых социологических теориях. Во всех этих моделях принимается следующая предпосылка: и вовлеченный в изучаемую ситуацию участник, и наблюдатель-социолог одинаково ответили бы на вопрос о смысле происходящего. Объяснение смысла своих поступков участником ситуации включало бы ссылки на осознаваемые (по крайней мере, в принципе) мотивы и цели действий, а также на правила, регулирующие поведение в заданной ситуации - игры в шахматы, покупки недвижимости и т.п. Социолог описал бы происходящее, возможно, более формальным и насыщенным общими понятиями языком, но при этом его объяснение не содержало бы ссылок на какие-то иные, неочевидные для самого участника факторы и механизмы. И, следовательно, никаких принципиальных различий между семантическим объяснением действующего лица и научным объяснением социолога - помимо указанных различий в уровне общности понятий, - не существовало бы. Именно так представляют себе суть любого хорошего объяснения самые радикальные из представителей *интерпретативного подхода* в методологии социальных наук: всякое теоретическое объяснение в социологии должно, в конечном счете, поддаваться переводу на “семантический” язык, быть открытым для понимания его обычными людьми, непосредственно вовлеченными в изучаемую социальную реальность. Позднее мы будем обсуждать слабости интерпретативного подхода более детально, а сейчас ограничимся лишь несколькими иллюстрациями *принципиальной недостаточности интерпретаций для объяснения поведения*.

Нередко важные особенности внешнего окружения, в котором совершаются поступки, или даже особенности внутреннего состояния действующего оказываются за пределами осознания последнего. Даже повседневный опыт подсказывает нам, что выбор хода в шахматах часто необъясним с точки зрения самого игрока и основан на своего рода

смутной интуиции. Во многих житейских ситуациях мы также склонны объяснять поступки людей неосознаваемыми мотивами. Более того, идеи психоаналитической теории так прочно укоренились в повседневности, что мы легко допускаем наличие “бессознательного расчета” в некоторых поступках - вспышках гнева, обострениях психосоматических заболеваний, оговорках, - хотя еще в прошлом веке идеи непреднамеренной расчетливости и неосознаваемого стремления к выгоде воспринимались как абсурдные и даже безнравственные⁸. “Научной” иллюстрацией недостаточности сугубо семантической интерпретации поведения могут служить психологические эксперименты с “ложной обратной связью”. Например, испытуемый, которому говорят, что во время рассматривания женских фотографий он с помощью специальных наушников будет слышать биение собственного пульса, якобы отражающего его эмоциональное состояние (хотя на самом деле слышать он будет заранее записанные и лишённые всякого смысла ритмические шумы), с большой вероятностью будет утверждать, что ему кажутся более привлекательными те девушки, изображения которых он рассматривал в моменты особенно сильных и учащенных “пульсаций”. И хотя самоотчет испытуемого о том, как он интерпретировал происходившие события, абсолютно незаменим для анализа результатов, осмысленное объяснение всей ситуации в целом требует знакомства с планом эксперимента, составленным психологом.

Однако научные объяснения в социологии и науках о поведении также могут оказаться **неадекватными**, если в них игнорируется интерпретация событий “с точки зрения участников”. Именно в попытке обойтись без субъективных интерпретаций состояла

---

⁸ Причина последнего заключается в том, что отождествление *интенциональности*, т.е. целенаправленности и осмысленности деятельности, и ее *осознанности* служило фундаментом классических концепций моральной ответственности личности. В самом деле, как можно обвинять человека даже в очень низком и расчетливом поступке, если он действовал бессознательно?

основная ошибка “позитивистских” подходов, предлагавших использовать в науках о человеке те же модели объяснения и эмпирического подтверждения, которые используются в естественных науках. В дальнейшем мы проанализируем эти подходы подробнее, но сейчас нам необходимо отметить одну особенность социальных наук, позволяющую понять, почему хорошее объяснение в этих науках *необходимо* каким-то образом соотносить с интерпретациями и семантическими объяснениями участников. В социальных науках довольно часто истинное объяснение оказывается иррелевантным, т.е. просто не относящимся к делу в исследуемом случае (существование истинных иррелевантных объяснений и создает *проблему неадекватности* объяснений). Сразу заметим, что нечто подобное случается и в физике или химии. Но там объяснению обычно подлежат результаты специально сконструированных экспериментов, в которых *влияния “посторонних” причин тщательно исключаются или уравниваются*. Социальные науки (как, впрочем, и биология или метеорология) часто объясняют, или пытаются объяснить, реальные сложные события, в которых один и тот же результат может быть вызван несколькими *различными* причинами. Описанное явление называют *множественной реализуемостью*. Так, например, прекращение трансляции телепередач может быть вызвано и механической поломкой антенны, и захватом телецентра революционно настроенными массами, и электромагнитными аномалиями. Психолог может объяснить явление предпочтения красного цвета испытуемым повышенной потребностью в самореализации, однако это вполне правдоподобное и основанное на известных науке закономерностях объяснение окажется иррелевантным, если сам испытуемый объяснит, что в его случае любовь к красному связана с тем, что таким был цвет любимого маминого платья. При анализе сложных социальных процессов интерпретации, предлагаемые их участниками,

нередко играют решающую роль при выборе одной релевантной и объясняющей суть происходящего закономерности среди множества верных, но к делу не относящихся.

Часто говорят, что настоящее объяснение должно быть чем-то большим, чем простое **описание**. Предполагается, что описание, в отличие от объяснения, не содержит никаких отсылок к причинам, механизмам или законам, поясняющим, почему нечто происходит. В действительности многие описания являются своеобразными “свернутыми” объяснениями. Отвечая на вопрос: “Что это?”, мы в таких случаях неявно ссылаемся на уже известные собеседнику причинные связи, нормы или обычаи. Когда, например, мы отвечаем: “Это - очередь в буфет”, мы надеемся на то, что собеседник знаком с таким человеческим установлением, как *организация распределенного во времени справедливого доступа к ограниченному ресурсу по принципу “раньше пришел - раньше получил”*. Если же наш собеседник даже не слышал о существовании очередей, мы от свернутого “ярлычка”- описания (“Это - очередь”) перейдем к объяснению, отличающемуся от научного лишь не столь высоким уровнем обобщения и отсутствием специальных терминов. С другой стороны, научное объяснение также может отсылать нас к описанию некоторой “картинки”. В отличие от “картинок” повседневной жизни, научная будет включать в себя “идеальные объекты”, специально сконструированные учеными и не входящие в круг обычных житейских представлений (такие как, например, “социальная стратификация” или “абсолютный вакуум”). Так школьный учитель физики, вводя понятие абсолютной температуры и объясняя, как последняя связана с объемом газа (закон Гей-Люссака), рисует идеализированную картину хаотического движения газовых молекул, прекращающегося при достижении -273°C . Иными словами, объяснение отличается от простого описания не столько тем, **что** говорится, сколько обобщенностью и явным включением объясняемого события (поведения) в более широкий контекст

повседневного либо научного “запаса знаний” (последний термин принадлежит А.Шюцу).

II Натурализм

Тема 4: Позитивизм и дедуктивно-номологическая модель объяснения.

Возможны ли охватывающие законы в социальных науках? Пример:

натуралистская модель рационального действия.

Термин “позитивизм” давно утратил строгое значение, так как под ним понимают множество различных вещей: тезис единства метода как таковой; натурализм в социальной философии; идеал позитивной науки, основанной на эмпирическом наблюдении; индуктивизм в теории познания; логический эмпиризм (П.Хафпенни). Особую роль в философии социальных наук сыграли натурализм (т.е. позитивизм как тезис единства метода), а также философская доктрина логического позитивизма. Эти две разновидности позитивизма составили “устойчивое ядро” натуралистских моделей объяснения в социологии, и по этой причине, как уже говорилось, они употребляются в качестве синонимов.